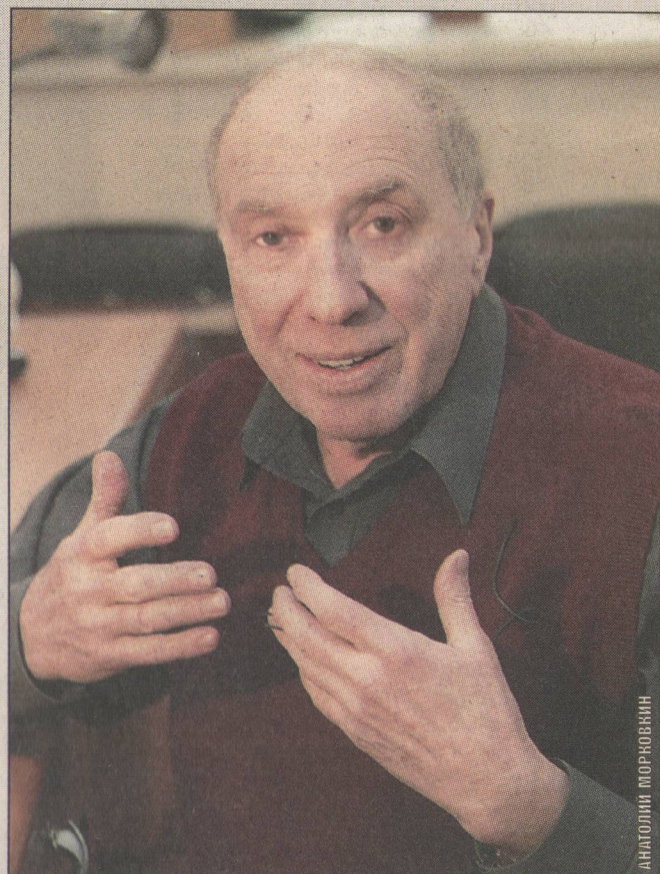

Народный артист России
Сергей ЮРСКИЙ:

Новое Издание - 2005 - 16 марта - с. 1, 5

«Мне грех на публику роптать»

Михаил Поздняев

Сегодня исполняется 70 лет актеру, режиссеру и писателю Сергею Юрскому. Солидный юбилей совпадает с 50-летием его актерской деятельности. В ознаменование двух круглых дат виновник торжества устроил целый фестиваль своих работ последних лет. Четыре вечера подряд он играет спектакли «Стулья», «Ужин с товарищем Сталиным», «Домашние радости» (вечер своих стихов и прозы) и «Провокация». Не будет ни пышного чествования, ни приветственных адресов. Только театр. Накануне дня рождения Сергей Юрский дал интервью «НИ».

— Сергей Юрьевич, я слышал, будто вы в эти предъюбилейные дни вместо подготовки банкета устроили какую-то прово-

кацию для своих товарищей, актеров Театра Моссовета?

— Драматург Игорь Вацетис, мы с ним давно сотрудничаем, написал новую пьесу. И я, устав уже слушать от дирекции театра: «Ну, когда вы у нас что-нибудь новенькое поставите?», выбрал шесть актеров, назначил им окошко в рабочем графике, чтобы все нашли три свободных часа, усадил за стол и раздал роли. Я заранее каждого из них присмотрел на одну из ролей и решил проверить, совпадет ли мой замысел с их пониманием для начала просто текста. Ни о чем пьеса, ни кто они в ней — об этом я им не рассказывал. Просто сидел и слушал, как они читают.

— И каков результат?

— Один «выстрел» в «десятку», один — что мне было страшно обидно — в «молоко». Результат как при любой провокации. Осмыслит ли человек ситуацию, в которую попал, найдет ли в ней свое точное место — вот ведь в чем цель каждой провокации...

— Пьесу-то ставить будете?

— Посмотрим...

Окончание на стр. 5

Сергей ЮРСКИЙ: «Мне грех на публику роптать»

Окончание. Начало на стр. 1

— Знаете, Сергей Юрьевич, мое самое первое впечатление от того, чем вы 50 лет занимаетесь, — «Горе от ума», которое я посмотрел в БДТ в младшем школьном возрасте... До сих пор не могу забыть вашего Чацкого.

— Да, «Горе от ума» замечательный был спектакль.

— Все то, что было в нем, — это актуально сегодня?

— Нет!

— Почему?

— Потому что театральное искусство не очень быстро, но меняется. Актуальность того театра для того времени, времени оттепели, была невероятной и для меня незабываемой. Но мне кажется, что сейчас, если говорить о профессии, такой театр не актуален. Другое дело — такие взаимоотношения зала и сцены, которые будоражат умы, раскалывают зрителей, — это для меня все 50 лет работы неизменно. К сожалению, многие сегодня считают, что задача театра не будоражить, а развлекать: «Все преодолимо, все нормально, договоримся, веселая ведь жизнь!»

— То есть «Горе от ума» для сегодняшней публики — это слишком серьезно? А почему же тогда это комедия?

— У Грибоедова?

— Да.

— Потому что человек имел прекрасное классическое образование и комедией называл то, что не есть трагедия. Пьеса не кончается смертью героя, в ней нет роковых обстоятельств, это бытовая история: неудачная любовь, обман, осмеяние

близкими — это все признаки классической комедии...

— И почти прыжок Подколесина в финале, только не в окошко...

— Нет, то, что человек в отчаянии уезжает из дома, где рухнули все его надежды, — печальный финал. Но пьесу-то заканчивает не Чацкий выкриком «Карету мне! Карету!» — пьесу заканчивает Фамусов: «Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?!» — чтобы публика захохотала, узнав себя. Конечно, это комедия. Что не означает бездумного, безудержного смеха публики... Мы вообще странным образом говорим: а что имел в виду Чехов, когда писал, что «Вишневый сад» — комедия? Да опять то же самое. Люди театра XIX и XX веков комедию от трагедии отличали по таким вот естественным признакам. А мы уже в XXI веке и имеем дело с другим театром, с другим искусством, с полностью размытыми, какими бы то ни было признаками...

Мне, в общем, грех на публику роптать, но критика, в последние дни осаждающая меня в связи с юбилеем, ничего, по-моему, не поняла во всем, что я пытался сделать — и не только в театре, — в связи с совершенно новой и общественной, и культурной ситуацией. И сегодня, когда я затеваю новые проекты, я заранее готов к тому, что ничего не поймут. Как ничего не поняли в моем телевизионном «Онегине», что было особенно обидно... Ведь не нашелся ни один человек, который бы попытался осмыслить не прочитанного, не зачитанного «Онегина», а разыгранного в декорациях, поставленного, снятого. Ничего не произошло...

— Прямо как у Хармса, которого вы фантастически — и опять-таки без отклика

со стороны критики — многие годы читаете: «Раз. Два. Три. Ничего не произошло...» Но все-таки чудо на ваших спектаклях и концертах всегда происходит. Потому что вы всегда провоцируете зрителя на диалог, начиная с Чацкого и Остапа Бендера.

— Провоцирую, да... Но провоцировать хорошо, когда это вызывает радость, и веселье, и оторопь. А вы попробуйте-ка провоцировать, если люди после каждого провокации упрямо пишут одно и то же: «Вот это или это было у Юрского 15 или 25 лет назад». Какая ж тут провокация?! Если бы я не был актером и режиссером, единственной формой обмена веществ осталось бы только газеты читать. А если бы я только газеты читал все эти годы, если бы не было живого, прямого обмена с моей публикой, я бы 15 лет назад повесился бы.

— Я упомянул сыгранных вами, и не 15, а 40 лет назад, Александра Чацкого и Остапа Бендера. Кто из них герой нашего времени? Или оба? Или ни тот, ни другой?

— Из нашего времени глядя, один — живший 200, другой — почти 100 лет назад, гораздо ближе друг с другом, чем с нами. Потому что умеют излагать свои мысли свободно и искренне. По-разному, имея разные цели — но это два человека, достойные, чтобы их слушали. Герои нашего времени показывают нам примером для подражания или свое убожество, или свои физические силы. И мы готовы с ними сдружиться.

Бендер с Чацким, встретятся они, быстро могли бы сдружиться. А вот с нами — в этом я сомневаюсь...

Клоун Божий

К юбилею мастера

Михаил Поздняев

Сегодня для театралов праздник с привкусом грусти. Много ли у нас осталось таких актеров? Речь даже не о трудовом стаже — о классе игры, не столько собственно актерской, сколько игры ума, игры со зрителем в жизнь, которая из имитации самой жизнью вдруг и делается. И о чем бы ни был спектакль — он становится притчей о смысле твоего появления в этой жизни.

Юрский сам о себе говорит, что он по актерской природе клоун. Человек религиозный, он сейчас, в первую неделю Великого поста, проводит свой театральный фестиваль. Не боится лицедействовать. Невольно вспоминается легенда о Жонглере Божией Матери, который, желая прославить Пречистую и ее Сына, демонстрировал перед иконой свое шутовское мастерство. И, как писал Пушкин, «Пречистая, конечно, заступилась за него...» Кого бы ни играл Юрский, в каком бы спек-

такле или фильме ни лицедействовал, результат один: на душе у зрителя становится легче, чище. Если даже это Фома Опискин или персонажи Хармса, предстающие у Юрского кем-то вроде ящериц и скорпионов, с которыми встречались в пустыне святые подвижники древности, обходя их стороной в страхе раздавить, прервать чудо жизни. Увы, о многих ролях осталась лишь память. Но есть Остап Бендер, которого Сергей Юрьевич представил не жуликом, а «рыцарем печального образа». Есть фехерический Импровизатор в «Маленьких трагедиях». Есть страдающий злодей Тарталья из «Короля-оленья». Есть телевизионный шедевр на грани подвига — «Евгений Онегин». Есть...

Есть Юрский, полвека собирающий полный зал, Клоун Божий, напоминающий нам о величии русского театра, единственного искусства, кроме, пожалуй, еще музыки, не подвластного ущемлению в правах. Потому что всегда — всегда, — кроме обращения к живому зрителю, адресуется к небесам. Такие слова, Сергей Юрьевич, вы, право, заслужили услышать сегодня, 16 марта 2005 года от Рождества Христова.